

УДК 811.161.1'53

КОНЦЕПТ 'КРАСОТА' В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СРЕДНЕВЕКОВОГО РУСИЧА (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)¹

Килина Л.Ф.

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия

На материале «Повести временных лет» рассматривается, как на уровне языковых единиц реализуется концепт 'красота', анализируется содержание данного концепта в древнерусском языке.

Ключевые слова: древнерусский текст, концепт, внешняя привлекательность, духовная красота

Актуальность. Когнитивный уровень древнерусского текста как объект исследования представляет несомненный интерес, так как, по справедливому замечанию исследователей, «какой бы точки зрения на структуру литературного текста ни придерживался исследователь, он опирается на зафиксированные в нем концепты, а значит, имеет дело с задачей адекватного определения способов и форм концептуализации» [3, с. 19].

В настоящем исследовании мы рассматриваем, каким образом в тексте «Повести временных лет» (далее ПВЛ) на языковом уровне реализуется концепт 'красота', являющийся одним из ключевых концептов древнерусской языковой картины мира, отражаемой в письменных памятниках того времени.

Постановка проблемы. По мнению этимологов, наиболее убедительным следует признать теорию о происхождении существительного *краса* от лит. *krosnis* «печь», латыш. *krasns* – тж. при стсл. > др.-рус. книжн. *крада* – «огонь», «жертвеннику», значение «красота» могло возникнуть не просто из значения «пламя», не по цвету огня, а, по-видимому, в связи с тем, что *крада* первоначально значило «жертвенный огонь» [5, с. 440].

В исторических словарях находим прилагательное *красный* 'красивый, прекрасный; хороший, прекрасный, приятный, милый; богато украшенный, красиво отделанный, разубранный; роскошный, пышный, зрелый, цветущий' [4, с. 290-292], существительное *красота* 'свойство по *красный* в 1 значении; свойство по *красный* во втором значении; украшение; гордость, наиболее привлекательная сторона чего-либо, кого-либо; о ряде, строе, порядке' [4, с. 286-288].

В исследуемом памятнике *красьныи* 'красивый, прекрасный' употребляется в контекстах, где речь идет о женщине, например: *дасть Бохомить комуждо по семидесят жень красныхъ и сбереть едину красну и всь красоту възложить на едину та будеть ему жена (27)*. В данном случае женская красота рассматривается как источник греха (в других списках здесь же находим *а по смрти же ре" со женами похоть творити блудную*), а князь Владимир, которому эта часть рассказа пришла по душе, явно

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-5366.2006.6.

осуждается автором: Володимеръ же слоушаше ихъ бѣ бо самъ **любА жены и блуженье многое** послушаше сладко (27 об.).

Таким образом, понятие 'красота' неразрывно связано с понятиями 'похоть' и 'блуд' (ср. и бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женскою (25 об.)), т.е. с тем, что у человека от дьявола: "Удивительно, но демонизация женского начала как чувственного, страстного у славян проявилось с момента внедрения христианства: Главным преступлением женщины, которое ставится ей в вину, служит испорченность ее природы, особая роль в грехопадении: Женщина ассоциируется с соблазнительницей. Ей приписывают греховную чувственность, сексуальность. Женщина грешит перед Богом и мужчиной, "пав" жертвой дьявола" [2, с. 28].

Подобное отношение к красоте встречаем в отрывке, где рассказывается о Феодосии Печерском: Бу послужилъ еси в тишинѣ въ мнишьскомъ житиѣ всАко собѣ принесенъе бжтвенное принеслъ еси пощенъемъ превозвышьсА плотьскы стрстии и сласти възненавидѣвъ **красоту и желанье свѣта сего** втринувъ ...оумертвивъ плотскую похоть источникъ безаконья (71). Здесь негативно оценивается именно чувственная красота, т.е. красота от плоти, а не от души: "В то же время на Руси существовало и резко негативное отношение к чувственно воспринимаемой красоте. Оно восходило к раннехристианской и византийской монастырской эстетике и поддерживалось многими русскими религиозными мыслителями" [1, с. 21].

С другой стороны, в ряде примеров мы встречаем совсем другое отношение к привлекательности женщины: Оу Ярополка же жена Грекини бѣ и бАше была черницею бѣ бо привельъ вѣцъ его Стославъ и вда ю за Ярополка **красоты** ради **лица** ея (23 об.). В этом случае именно внешняя красота (даже красота лица), и только она, явилась причиной выбора женщины в качестве жены. Надо сказать, что такой подход не характерен для средневекового общества, тем более для княжеской среды, где браки заключались по политическим соображениям.

Лишь в одном примере находим *красьныи* 'красивый' по отношению к лицам мужского пола: и поидоста.в. **оуноши** к нему **красна** и блистаста лице ею акы сднце и глща к нему Исакіе въ есвъ англа (65). Однако в этом контексте красота не истинная, не праведная, а фальшивая, так как речь идет о бесах, притворившихся ангелами.

В целом же, когда речь идет о мужчинах, красота всегда оценивается положительно, но при этом, как правило, указывается на другие качества человека: бѣ же Ростиславъ мужъ добль ратень возрастомъ же льпъ и **красень лицемъ** и мл'твъ оубогымъ (56). Как видим, привлекательность в данном случае обозначена оценочными единицами *добль* 'мужественный', *ратень* 'воинственный', *возрастомъ льпъ* 'в лучшем возрасте', а также *красень лицемъ* 'красив лицом'. Но в характеристике князя важно и то, что он *мл'твъ оубогымъ*, т.е. его духовные качества, значит если человек красив духовно, то он красив и внешне: "Духовная красота обладала в глазах древнерусского мыслителя самодовлеющей ценностью и не нуждалась в красоте физической. Напротив, последняя приобрела особую значимость лишь как знак и указатель на красоту духовную" [1, с. 18].

Приведем аналогичные примеры: бѣ бо Гльбъ млстивъ оубогым и страннолюбив тцание имѣе к црквамъ тепль на вѣру и кроток **взоромъ красень** его же тѣло положено быс черниговъ за Спасомъ (67), бѣ же ИзАславъ мужъ **взоромъ красень** и тѣломъ великъ незлобивъ правомъ криваго ненавидъ любА правду не бѣ бо в нѣмъ лстїи но простъ мужъ **оумѣ** (68). Здесь говорится о взгляде человека, но важна общая положительная характеристика, когда красота духовная и внешняя неразделимы, сравните также: юже сдѣла Володимеръ бѣжа ВарАгъ то пришель изъ Грекъ и держаше вѣру х'еянську и бѣ оу него **снѣ красень лицемъ и дшею** (26 об.), мти же Моисѣва

оубоявши^с сего губленья вземши младенец вложи и в карабѣцию ...и наре^ч им^а ему Моисѣи и вс^корми бы^с отроча красно (31).

Есть только один женский образ, в котором сочетается внешняя привлекательность и разум: и приде к нему Вльга и видѣвъ ю добру суцю зѣло лицемъ и смьслену оудививьс^а цр^ь разуму ея бесѣдова к неи и рекъ^ъ еи (17 об.). В данном фрагменте адекватив *добрыи* 'красивый' употребляется по отношению к княгине Ольге, первой праведнице Руси, принявшей христианскую веру.

Таким образом, в синкретичном сознании средневекового русича (о чем говорилось уже неоднократно многими исследователями) чувственно воспринимаемая красота была неотделима от духовной. Отсюда, как отмечают ученые, и красота духовную, в частности "царства небесного", человек постоянно стремился представить себе по аналогии с земной красотой, только возведенной в более высокую степень совершенства [1, с. 15].

В подтверждение сказанного можно привести примеры из исследуемого нами текста: Соломанъ бо ре^ч првднцѣ въ вѣки жиоуть и wt Га мзда имь есть и строенье wt Вышн^аго сего ра^а примуть цр^ьтвие красотъ и вѣнецъ добротъ wt руки Г^сн^а (21) (рассказ о княгине Ольге), и въздати комуждо по дѣломъ его првд^нмъ цр^ьтво нб^сное и красоту неизре^чн^ну веселье бес конца и не оумирати въ вѣки (36), възвысила бо есть ваю свѣтоносная любы нб^сная тѣмъ красныхъ исъчъ раслѣдоваста въ нб^снѣмъ житѣи славу и свѣт разумный красныя радости радуитас^а яко вс^а напающа срдца горести и болезни отгон^аша... ту же красно нос^аща съ Хс^мъ цр^ьствуета всегда (47 об.).

В последнем контексте *красьныи* 'дарующий радость, благодатный', и именно то, что связано с Богом, может даровать истинную радость человеку: Бви в воню блгооуханья жертвахъ словесная и прия вѣнецъ вшедь въ нб^сная обители и оузрѣ желаемого брата своего и радовашес^а с нимъ неизреченною радостію юже оулучиста братолюбиемъ своимъ се коль добро и коль красно еже житиі братама вкупе (47). Речь идет о Глебе, который после смерти Бориса также погибает от рук убийцы, но эта смерть не рассматривается как трагедия, поскольку два брата соединились в царстве Божьем, царстве радости, царстве красоты.

Неслучайно сфера Бога часто обозначена существительным *красота*, в том числе и тогда, когда говорится о земном воплощении этого явления: и иде с ними в цр^квь и поставиша я на пространнѣ мѣсть показую^с красоту цр^квную (37). В данном случае речь идет не просто о красоте церкви, а о красоте богослужения, самой веры: и придохомъ в Нѣмци и видѣхомъ въ храмъ^ъ многи службы твор^аща а кр^асоты не видѣхомъ никоеяже ...и придохо [мъ] же въ Греки ... нѣ^с бо на земли такого вида ли красоты такая... токмо то вѣмы яко внѣдь Бъ с члвкы пребываетъ...мы оубо не можемъ забыти красоты тоя (37-37 об.). Именно после этих слов посланников князь Владимир принял решение креститься и принять веру греков.

В целом можно сказать, что семантическая структура прилагательного *красьныи* в древнерусском языке достаточно сложна, и в тексте ПВЛ мы обнаружили один пример, в котором указанное имя представлено в значении, не рассмотренном ранее: тогда же зажгоша дворъ красный его же поставилъ блговѣрнѣи кн^азь Всеволодъ (77 об.). Значение прилагательного в словосочетании *дворъ красный*, как нам кажется, 'главный, парадный' (ср. в переводе Д.С. Лихачева *Тогда же зажгли двор Красный, который поставил благоверный князь Всеволод на холме*).

Итак, концепт 'красота' в ПВЛ на языковом уровне представлен оценочными единицами (*красота, красьныи, красьно, добро, добрыи*), которые могут репрезентировать и сферу Бога, и сферу человека: "Из возможных вариантов концептуализации древнерусскими авторами наиболее активно используются

византийские традиции толкований канонических текстов, состоящие в выделении полярных сфер – идеализируемого божественного внебытия и скептически оцениваемого человеческого мира” [3, с. 20]:

Выводы. Можно сделать вывод, что рассматриваемый концепт органично вписывается в систему представлений древнерусского человека о добре (благе) и зле. В то же время в тексте ПВЛ можно проследить как по-разному оценивается красота человека: 1) красота (природная) оценивается позитивно архаическим (мифопоэтическим) славянским сознанием, 2) красота природная оценивается негативно, а красота духовная позитивно в христианской философии (в канонических книжно-славянских текстах), 3) красота природная и духовная, слитые воедино, образуют новое понятие (красота как некое совершенство), которое оценивается позитивно (это обыденная этическая оценка, принадлежащая человечеству в целом). И именно последний тип представлен чаще всего в исследованных контекстах, что, конечно, неслучайно: “Христианская оппозиция “человек – Бог” не была сразу воспринята на Руси во всей ее византийской утонченности и глубине. При первых контактах с христианской духовной культурой древнерусские люди оказались наиболее чувствительны к конкретным художественно-эстетическим реализациям этой оппозиции” [1, с. 6].

Список литературы

1. Бычков В.В. Эстетическое сознание Древней Руси / В.В. Бычков. – М.: Знание, 1988. – 64 с.
2. Гулюк Л.А. Специфика описания природы женственности в славянской мифологии / Л.А. Гулюк // Вісник Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. Ч. II. – 2006. – № 11 (106): – С.24-30.
3. Ковалев Н.С. Древнерусский литературный текст: Проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки / Н.С. Ковалев. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1997. – 260 с.
4. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10-ти томах / АН СССР. ИНТ Рус.яз.; Гл. ред. Р.И. Аванесов. – М.: Рус.яз., 1988. – Т.4.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд. стереотип. – М.: Рус.яз., 1999. Т.1. – 624 с.

Килина Л. Ф. КОНЦЕПТ „КРАСА” В МОВНІЙ КАРТИНІ СВІТУ СЕРЕДНЬОВІЧНОГО РУСИЧА

На матеріалі «Повесті временных лет» розглянуто реалізацію концепту „краса” на рівні мовних одиниць.

Ключові слова: давньоруський текст, концепт, духовна краса

Kilina L.F. CONCEPT 'BEAUTY' IN LANGUAGE PICTURE OF WORLD MIEVIAL RUSSIAN (ON MATERIAL "TALES OF TEMPORARY YEARS")

On material "Tales of temporary years" is considered, as at a rate of language units is realized the concept 'beauty'. is analysed the contents of givenned concept in old russian language.

Key words: old russian text, concept, external attractiveness, spiritual beauty

Поступила в редакцію 12.02.2007 г.